

СИМВОЛ КАК УСЛОВИЕ ПРОДУКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

А.М.ПОЛЯКОВ

Вопросы психологии. – 2006. – № 1. – С. 63-73.

Развивается понятие продуктивного действия как процесса построения замысла в соответствии с идеальными формами культуры в русле идей культурно-исторического подхода и психологической теории деятельности. В статье предпринята попытка анализа символа как условия совершения человеком продуктивного действия. Автором показана двойственность символа в отношении продуктивного действия: своим идеальным содержанием он выступает в качестве эталонного инварианта деятельностного отношения субъекта к предметному миру; своей предметной, чувственно воплощенной, формой он представляется результатом продуктивного действия.

Ключевые слова: продуктивное действие, замысел, идеальная форма, символ, символотворчество.

Проблема условий продуктивности.

Проблема продуктивности является актуальной для психологии практически с начала ее возникновения как науки. Общеизвестны исследования продуктивного мышления в рамках вюрцбургской школы (О.Зельц) и гештальтпсихологии (К.Дункер), исследования Ф.Хоппе, выполненные под руководством К.Левина. Развитие идей, заложенных в указанных классических работах, происходило в рамках теории мотивации достижения (J.W.Atkinson, T.Gjesm, A. & A.Gottfried, H.Hechhausen, McClelland, J.R.Nuttin, J.R.Raynor, B.D.Smith, R.C.Teevan, V.H.Vroom и мн.др.). При разнообразии в западных подходах объяснительных схем продуктивной мыслительной и практической деятельности, можно указать на две преобладающие в них особенности. Первая говорит о понимании продуктивности как эффективности или внешней результативности. Иными словами, продуктивна та деятельность, которая приводит к *определенному*, заранее запланированному внешнему результату. Вторая особенность непосредственно связана с первой и состоит в том, что продуктивные задачи понимаются как «точные» (например, у К.Дункера), решение которых опирается на формально-логические законы и в которых изначально предполагается единственно правильный (он же продуктивный) вариант ответа, изначально знакомый экспериментатору. При этом задачи «открытого» типа, т.е. задачи, в которых не существует одного единственного правильного ответа, не рассматриваются. Между тем, следует заметить, что большинство задач, с которыми

сталкивается человек в своей жизни таковы (если это и задачи с одним ответом, то он определяется не формальными требованиями, а соответствием индивидуальному опыту).

В отечественной психологической традиции (по преимуществу в деятельностном подходе) также представлены работы, в которых изучались различные аспекты продуктивности. При этом, содержание понятия продуктивной деятельности понимается у разных авторов по-разному. Так, в теории развивающего обучения (В.В.Давыдов, Н.Г.Салмина, Д.Б.Эльконин и др.) под продуктивной деятельностью понимается деятельность по переоткрытию учащимся значений научных понятий, содержание которых изначально заложено в учебном процессе и используемых в учебных заданиях материалах [3, 4, 5, 15, 24]. Другое понимание продуктивной деятельности основано на том, что у субъекта отсутствуют необходимые средства решения поставленной перед ним задачи, которые он должен обнаружить сам (А.В.Фурман) [21]. Можно также выделить представление Н.Г.Салминой и Е.Е.Сапоговой о продуктивной деятельности как деятельности моделирования, продуктом которой является модель, воспроизводящая ключевые особенности реальных объектов и способная выступить в качестве их заместителя [15, 16].

В исследованиях Л.Г.Лысюк, Э.Д.Телегиной, В.В.Гагай отмечаются общие характеристики продуктивной деятельности – отсутствие заданности, запрограммированности, формулируемость основных образований по ходу деятельности, преобразование и продуцирование нового знания [11, 18]. В качестве основного условия продуктивной деятельности выделяется *ситуационная неопределенность*, под которой понимается такая «проблемная ситуация, которая в субъективном осознании индивида строго не детерминирована ни в способах решения, ни в искомом результате» [10; с.122]. Преодоление ситуационной неопределенности представляет собой целенаправленный процесс.

Особо следует остановиться на анализе проблемы продуктивности действия, представленном в работах Б.Д.Эльконина [22, 23]. Автор рассматривает продуктивное

действие как единицу психического развития. Для нас существенно, что Б.Д.Эльконин, реализуя идеи культурно-исторической психологии, говорит не только и не столько о внешней результативности продуктивного действия, сколько о самоизменении личности. Самоизменение, в данном случае, включает в себя построение субъектом идеальной формы (образца) деятельности и преодоление с помощью последней сложившихся натуральных форм активности. Для дальнейшего рассмотрения проблемы важно отметить несколько существенных моментов в работах Б.Д.Эльконина: 1) Построение ребенком идеальной формы в продуктивном действии вслед за Д.Б.Элькониным понимается как способ включения другого человека в собственную жизнедеятельность (она есть результат совокупного действия); другой (взрослый) своими действиями «экранирует» поведение ребенка; при этом возникает проблема соотнесения субъектом собственной позиции (пространственно-временной или/и смысловой) с позицией другого человека, выступающего в качестве образца деятельности; отсюда возникает необходимость соотнесения двух полюсов – предельно субъективного внутреннего ощущения и объективной идеи; 2) Продуктивное действие двойственно в отношении своей предметности: оно ориентировано на построение идеальной формы, с одной стороны, и на ее воплощение, с другой стороны; 3) В силу того, что идеальная форма (образец) каждый раз воссоздается (или преобразуется) в продуктивном действии заново, то его осуществление носит творческий, неавтоматизированный характер; можно добавить, что, поскольку идеальная форма определяет предметную отнесенность продуктивного действия, построение его предметности есть открытая и решаемая этим действием задача; 4) Идеальная форма (образец) не однозначно определяет деятельность личности, а задает «поле возможных действий»; соответственно, продуктивное действие носит пробный характер [22, 23].

Полностью присоединяясь к пониманию продуктивного действия Б.Д.Элькониным, мы хотим обратить внимание на несколько существенных в отношении проблемы условий продуктивности положений. Если продуктивное действие есть попытка построения

человеком собственной активности в соответствии с идеальной формой, значит последнюю можно понимать как замысел деятельности, представляющий в свернутом виде ее смысл, цель, план реализации и пр. С другой стороны, поскольку продуктивное действие имеет пробный характер, т.е. в нем воссоздается идеальная форма, можно утверждать и то, что оно есть процесс порождения замысла. Данный парадокс ставит *проблему идеальной формы* как условия построения продуктивного действия. Какова должна быть идеальная форма, чтобы удовлетворять требованиям продуктивного действия? Рассматривая эти требования, следует указать следующее: 1) Идеальная форма должна задавать образ, форму действия (по крайней мере, его смысл и цель) и в то же время она должна быть в предметном отношении «пустой», для того, чтобы предоставить личности возможность наполнить ее субъективным опытом, возможности смысло-, целе- и мотивообразования; 2) Идеальная форма должна обеспечивать одновременное «удержание», по крайней мере, двух планов или позиций: субъективного, фиксирующего натуральные или автоматизированные формы активности, и объективного, представляющего «другое видение» и задающее образец деятельности (на самом деле, во многих ситуациях, когда отсутствует один единственный образец, на который мы ориентированы, мы сталкиваемся с необходимостью «удержания» множества позиций). Таким образом, идеальная форма, чтобы обеспечивать построение продуктивного действия, должна совмещать в себе характеристики объективного и субъективного, единичного и всеобщего, предметного и бессодержательного, быть произвольной и произвольной одновременно.

В дополнение к теоретическому обоснованию проблемы, следует указать и на ее практическую актуальность. Проблема продуктивного действия – это проблема построения человеком индивидуальных способов своего существования в конкретных предметных и социальных условиях в соответствии идеальными образцами культуры. Однако это не только и не столько проблема индивидуальных особенностей деятельности, сколько проблема самоопределения в культуре, проблема «попадания» личности в «мир»

культуры и нахождения своего места в этом «мире». При сегодняшнем многообразии, а зачастую и противоречивости, идеальных образцов, ее решение для личности становится чрезвычайно трудной задачей. Изучение этой проблемы предполагает раскрытие особенностей онтогенеза продуктивных действий.

Методологические основания

Данная статья выполнена в русле культурно-исторической теории Л.С.Выготского и деятельностного подхода (А.Н.Леонтьев, А.В.Запорожец, Д.Б.Эльконин и др.) [2, 6, 24]. В частности, наиболее значимыми для нас являются положения об объективном существовании идеальных форм культуры, определяющих развитие личности (Л.С.Выготский, Д.Б.Эльконин, В.П.Зинченко и др.) [2, 7, 8, 9, 24], о деятельностном характере психики и психического развития (А.Н.Леонтьев, А.В.Запорожец, Д.Б.Эльконин и др.) [3, 4, 5, 6, 24], учение о культурных медиаторах как психологических инструментах формирования высших форм поведения и деятельности (Л.С.Выготский, А.В.Запорожец, В.П.Зинченко, Н.Г.Салмина, Е.Е.Сапогова, Д.Б.Эльконин и др.) [2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 15, 16, 22, 23, 24].

Идея об объективном, независимом от субъективного опыта индивида, существовании идеальных форм культуры была представлена Л.С.Выготским в «Психологии искусства». Л.С.Выготский рассматривал произведения искусства как первичные формы аффективно-смысловых образований, существующие вне зависимости от опыта каждого конкретного человека. Они задают способы формирования индивидуального опыта, т.е. по сути дела, формируют человека как культурное существо [7, 24]. В дальнейшем это положение развивалось в трудах Д.Б.Эльконина, который понимал путь развития личности как процесс освоения идеальных форм культуры [24]. В течение последнего десятилетия эта идея активно разрабатывалась Б.Д.Элькониным и В.П.Зинченко [7, 8, 9, 22, 23].

Очевидно, что положение о первичности идеальных форм ставит проблему их освоения (т.е. делания своими) конкретным человеком. Данная проблема решалась преимущественно в двух аспектах: как проблема условий и средств (инструментов)

освоения культуры и как проблема деятельности субъекта по ее освоению (или проблема единиц развития). В первом случае речь шла о медиаторах, главным образом различного рода знаковых средствах, позволяющих замещать натуральные или сложившиеся ранее формы поведения и психической деятельности индивида культурными формами [2, 3, 6, 9 и др.]. В более широком контексте об этой проблеме можно говорить как о проблеме сознания. Во втором случае проблема ставилась как проблема определения форм активности (деятельности, действий) самого субъекта, обеспечивающих его психическое развитие. Такие формы представлены в понятиях ведущего вида деятельности у А.Н.Леонтьева и Д.Б.Эльконина [24] и продуктивного действия у Б.Д.Эльконина [22, 23]. Обе эти позиции важны для нашего дальнейшего анализа проблемы условий продуктивного действия.

Символ как идеальная форма

В советской психологии идеальные формы культуры и медиаторы развития личности, начиная с Л.С.Выготского, изучались преимущественно как понятия (значения) и знаки. Л.С.Выготский заложил представление о том, что понятийное мышление является высшей формой мышления, а развитие значений как структурных элементов сознания стало пониматься как движение от синкрета и комплекса к псевдопонятию и понятию [2]. Такая логика понимания развития сознания и мышления отразилась на дальнейших исследованиях в этой области. Все остальные идеальные формы и знаковые средства, как то слово, символ, миф, модель, предмет, действие, иконические средства, индексы и пр., рассматривались либо как *недопонятия*, либо как разновидности знака (т.е. анализировались в той же логике, что знак и значение)¹ [15, 16]. Так, например, Е.Е.Сапогова, ссылаясь на работы Э.В.Ильенкова и А.Ф.Лосева, различает знак и символ «по степени отраженности в них всеобщего» [16; с.17]. Если знак отражает обобщенные свойства реальных предметов, то символ представляет сознанию в наглядно-образной форме уже означенные понятия, т.е. является как бы знаком второго порядка. В данной

работе нас, безусловно, больше всего интересуют *специфические* особенности символа, поскольку именно в них, на наш взгляд, заложен большой потенциал продуктивности. Определение этих особенностей необходимо также для преодоления «понятийной» направленности анализа медиаторов.

К этому следует добавить, что психологических исследований интересующих нас символических средств в отечественной традиции почти не проводилось¹. Между тем, отмечается актуальность данной темы [9]. Анализ некоторых философских и психологических работ позволяет говорить о *качественных* различиях между знаком (значением) и символом (символизируемым) [9, 12, 17, 19, 20]. Так, если знак тяготеет к строгому и обобщенному *определению* какого-то *специфического* свойства вещи (вещи в широком смысле слова) и идеалом означиваемого им содержания является научное понятие, то символ «в скрытой форме содержит в себе *все возможные* (курсив мой – А.П.) проявления вещи и создает перспективу для ее *бесконечного* развертывания в мысли, перехода от обобщенно-смысловой характеристики предмета к его отдельным конкретным единичностям» [17]. И далее: «Символ является, т.о., не просто знаком тех или иных предметов, но он заключает в себе обобщенный принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем смыслового содержания» [там же]. Следовательно, если предельная задача знака – задать четкие пределы некоторому предметному содержанию и сделать его произвольным, то задача символа в том, чтобы указать на единство идеального содержания во всем многообразии его проявлений в предметном мире [12, 17, 19, 20]. При этом важно, что критерии такого единства не могут быть строго определены. Символ скорее намекает на некоторое иное содержание.

Существенны различия между знаком и символом в плане их отношения к означиваемому и символизируемому. Как отмечают многие исследователи, знаком может быть что-угодно, любой предмет действительности, который указывает на другие

¹ В данной статье мы не рассматриваем знак как родовое понятие, включающее в себя все виды знаковых средств, а понимаем его как видовое, т.е. отличное от символов, индексов, изображений и пр.

предметы [12, 15, 16, 19, 20]. Значение всегда раскрывается через отношения между предметами, базирующиеся на некотором общем основании. Следовательно, значение может быть раскрыто через другие значения, знак – определен через другие знаки. Отсюда вытекает их абстрагированность (в предельных случаях) от конкретно-чувственного содержания образа и произвольность в оперировании ими [2, 12, 15, 16]. Значение обособляется от знака и может быть обозначено другим знаком. Символ, напротив, представляет собой неразрывное единство внешней формы, предметного содержания чувственного образа, и символизируемого [12, 17, 19, 20]. П.А.Флоренский говорит, что символ - это «часть, равная целому, причем целое не равно части... Символ есть символизируемое, воплощение есть воплощаемое, имя есть именуемое, - хотя нельзя сказать обратно, - и символизируемое не есть символ, воплощаемое не есть воплощение, именуемое не есть имя» [20; с.148]. Мы можем вслед за М.К.Мамардашвили и А.М.Пятигорским сказать, что символ есть *вещь* [12], причем вещь равная тому, что она символизирует. Однако то, что она символизирует не равно ей. В этом смысле, символ как вещь не указывает на другие вещи, а указывает на «иное», на некоторое идеальное содержание сознания, не сводимое к чувственной предметности и не выводимое из нее. В символе, в отличие от знака, происходит не удвоение предметной действительности [7, 24], а ее самоотрицание [20]. Содержание символа всегда есть нечто объективно не определяемое и доступное только через интерпретацию, оно всегда есть достраивание субъектом объективной действительности, которая дана ему в чувственном и практическом опыте [12]. Через символы мы пытаемся понять и достроить, например, такие явления как личные отношения, смерть и пр. По меткому выражению вышеупомянутых авторов, содержание символа – это «заделывание дыр бытия» [12; с.77]. Символ есть образ иного, того, что само по себе не может быть предметом осознания в обычном его понимании. Иными словами, символ в предметном отношении *бессодержателен*. Если знак выделяет общее и специфическое, то символ представляет

¹ Здесь мы намеренно абстрагируемся от западных подходов к пониманию символа (Ж.Пиаже, психоанализ и

общее и *целое*. Именно эта особенность позволяет воплощаться символизируемому идеальному содержанию в различных чувственно-предметных формах и быть представленным в конкретных жизненных условиях и деятельности человека. Именно в этих предметных формах символ «живет». Через них духовная реальность, реальность идеальной формы, делается доступной нашему телу и чувственному опыту.

Поскольку мы не можем определить содержание символа, а, следовательно, – не можем управлять им, то возникает произвольность в отношении символа: если знаки мы знаем и автоматически оперируем ими, то символы мы понимаем [12; с.101-102]. Если знаки выступают для человека психологическими орудиями, инструментами, то в отношении символов можно сказать обратное – они определяют нас. Проблема понимания символов ставит вопрос о путях, способах такого понимания. Как нам становится доступным не доступное в чувственно-практическом опыте? Один из возможных ответов – через *интерпретацию* самих символов [12]. Не смотря на то, что принятие такого ответа сопряжено с рядом трудностей, так как интерпретация, в действительности, отдаляет нас от полноты, целостности и многомерности символизируемого, важно понять сами основания интерпретации, то, на чем строится последняя. Здесь в самом общем виде возможны два объяснения. Первое – субъективистское – полагает, что содержание символа, как и интерпретация, создается самим субъектом и определяется его индивидуальными особенностями, переживаниями (феноменологическое объяснение). В этом случае возникают два возражения: 1) поскольку содержание символа в опыте не дано, то оно и не может быть выведено из него (не значит, что не может быть выражено в нем); 2) невозможным становится объяснение возможности коммуникации посредством символов и общего понимания одних и тех же символов различными людьми. Второе объяснение, логично встраивающееся в культурно-историческую традицию, – объективистское – представляет символизируемое как объективно существующую, т.е. вне зависимости от конкретного человека и его понимания, идеальную форму. Последняя

задает (но не дает) возможные способы интерпретации символа, хотя и жестко их не определяет, а скорее фиксирует их общий принцип. Для иллюстрации отношения субъекта к символу воспользуемся примером М.К.Мамардашвили и А.М.Пятигорского инверсионного «антиобраза». Так, в отношении символа правильнее говорить не «У меня возникла идея», а «Я возник в идее», не «Я придумал нечто», а «Я оказался в нечто» и т.п. [12; с.76].

Понимание символа как произвольного ставит проблему субъектного отношения к нему личности. Забегая вперед, скажем, что эта проблема и есть проблема продуктивного действия как акта, направленного на понимание и воплощение данной идеальной формы. Однако, прежде, чем перейти к этой проблеме укажем еще на одну отличительную характеристику символа. Как уже отмечалось выше, знак (значение) отражает объект-объектные отношения, т.е. отношения между предметами, что позволяет делать предметный мир предметом преобразования. Символ раскрывает «сверхчувственную» основу вещей, не зависящую от самого субъекта, которая, однако, может быть представлена посредством большого разнообразия вещей. Данная особенность позволяет предположить творческую активность личности в создании бесконечного многообразия *конкретных* образов и смыслов, являющих никогда до конца не выразимое содержание символа. Из этого вытекает возможность различных способов понимания (и интерпретации) символа личностью и личного отношения к нему. Значит, если перевернуть это положение, то символ можно рассматривать как то, что выявляет и задает конкретно-чувственные формы *личных (и межличностных) отношений* человека, т.е. выступает *их* медиатором. Символ предоставляет человеку возможность одновременно удерживать множество пространственно-временных и смысловых позиций и на их основе строить собственную деятельность. При этом, только в случае объективности символизируемого содержания оно может выступить основанием для построения собственных деятельностных отношений, стать «точкой отсчета» для построения личности. Данное обстоятельство в сочетании указанными выше позволяет нам

рассматривать символ как такую идеальную форму культуры, которая удовлетворяет «двойственным» требованиям продуктивного действия – предметности и беспредметности, субъективности и объективности, конкретности и всеобщности – и может полагаться как его условие.

Говоря о символе как о способе бытия идеальной формы, следует затронуть вопрос и о чувственных *формах* существования символа как вещи. По определению А.В.Луначарского, символ представляет собой «...конкретный, доступный нашему воображению образ, который означает что-то, само по себе нашему воображению недоступное» [17]. Чувственная представленность символа, следовательно, может быть выражена любой единицей нашего сознательного опыта: образом (воображения или представления) предмета, поступком, движением, словом, звуком и пр. Изучение этих форм как форм символа является отдельной задачей, не входящей в рамки данной статьи. Поскольку перечисленные формы не всегда являются символами, представляется важным отметить некоторые отличительные особенности их как символов. Укажем некоторые из них: 1) символ отображает не свойства самого предмета, а отношение некоторого идеального содержания сознания к личности (в отличие, например, от модели; среди всех видов моделирования символ ближе всего к художественному моделированию [13; с.117]); 2) в отличие от образа (представления или воображения) вообще, образ-символ абстрагируется от случайных свойств и признаков предмета [20]; образ-символ, в отличие от образа, не является «удвоением действительности» (по выражению Д.Б.Эльконина) в плане сознания, он скорее является «тенью» (в платоновском понимании) идеальной формы или, точнее, – ее ипостасью, частным проявлением; символ не подобен реальности, он и есть реальность; 3) в зависимости от контекста ситуации чувственно представленная форма символа может изменяться, высвечивая различные грани идеального содержания (в отличие от знака, стремящегося преодолеть обусловленность индивидуальным чувственным опытом, деконтекстуализироваться); так, например, различные слова-символы в различных контекстах могут представлять одно и то же идеальное содержание.

Роль символа в продуктивном действии

Ранее продуктивное действие было представлено нами как процесс порождения субъектом замысла деятельности. Указывалось на двойственность требований, предъявляемых к замыслу: с одной стороны, его объективность, независимость от субъекта, эталонность, с другой стороны, его соответствие индивидуальности личности и ситуации, субъектность в отношении к его порождению. Продуктивность предполагает построение собственной деятельности как «живой», как адекватной каждой конкретной ситуации и индивидуальным особенностям личности. «Инструментом» продуктивного действия не может быть понятие, обобщенно и абстрагировано от конкретных условий, а главное – неизменно, представляющее действительность. Такой «инструмент» сознания должен «играть» различными своими гранями в соответствии с самой жизнью (быть живым), т.е. выпячивать различные ипостаси действительности в зависимости от конкретных ситуаций и задач, решаемых личностью.

Рассмотренные особенности символа, как уже отмечалось выше, позволяют полагать его как возможную форму существования замысла продуктивного действия. При этом, однако, возникает одна существенная проблема, без решения которой мы не сможем понять суть продуктивного действия и отношение к нему символа. Если мы полагаем символ как объективную идеальную форму, определяющую самого субъекта (выступающую эталоном его отношений и деятельности), то в чем же тогда состоит активность самого субъекта, то есть, в чем заключается продуктивность действия?

Двойственность символа, состоящая в единстве идеального содержания и предметного его воплощения, позволяет преодолеть указанное противоречие и соотнести ее с двойственностью продуктивного действия. В отношении субъекта к символизируемому – последнее определяет первого, в отношении субъекта к символу как конкретной вещи – первый может проявлять *определенного рода* активность в адрес последней. В силу объективности и активности символа по отношению к субъекту, мы не можем говорить о нем как средстве, но лишь как об *условии* продуктивного действия, в силу субъективности

и индивидуальности символа, его можно представить как способ обращения личности к идеальной форме. В первом случае мы говорим о символе как идеальном образце, во втором – о символе как замысле продуктивного действия. Относительно идеальной формы субъект зависим, относительно ее предметного содержания – активен и свободен. Следовательно, **продуктивное действие** – как процесс порождения замысла в соответствии с некоторой идеальной формой – мы можем понимать как *обнаружение, воссоздание или построение предметного содержания идеальной формы*, представляющей различные пространственно-временные и смысловые *позиции* субъекта, т.е. как *символотворчество*. Выше мы отметили, что даже в адрес предметного воплощения символа субъект проявляет активность *определенного рода*. Дело в том, что многие символы существуют и воздействуют на нас вне зависимости от нас самих (например, «змея» как символ силы или женской мудрости, «символ троичности» и мн.др. [12]). В этих случаях мы не порождаем их. В соответствии с этим, адекватней понимать символотворчество не только и не столько как придумывание образов-символов, сколько как понимание, выявление, воссоздание образов предметной действительности (предметов, действий, поступков, состояний, ситуаций и пр.) как символов, т.е. как выразителей иного, идеального содержания.

Согласно П.А.Флоренскому, основное условие символотворчества – разведение в сознании идеального содержания символа и его предметности, вещи [20; с.121]. Это условие позволяет порождать субъекту новую предметность, новые замыслы в соответствии с идеальными требованиями. Если повернуть проблему символотворчества и продуктивного действия в плоскость онтогенетического развития, то для нас несомненным здесь является движение, подобное описанному Л.С.Выготским в отношении формирования высших форм поведения и состоящее в указанном разведении идеального и чувственного содержания символа, а также развитии способности субъекта к опосредованию символизируемым идеальным содержанием собственной деятельности. Последнее умозаключение не является голословным, а опирается на материалы нашего

эмпирического исследования развития продуктивных действий (в частности особенностей построения замысла в соответствии с идеальными требованиями) у подростков (12-17 лет), как в норме, так и с легкими интеллектуальными нарушениями [14]. В рамках данной статьи нет возможности полностью излагать его методику и результаты. Мы ограничимся лишь примером выполнения подростками одного из заданий использованной методики для иллюстрации указанной закономерности. Подросткам предлагалось придумать (назвать) и отобразить на специальном бланке изображение какого-либо предмета, которое они впоследствии смогли бы сложить из кубиков Кооса. Детям следовало вычленить исходные элементы изображения (раскрашенные грани кубиков) и на их основе построить целостный образ, наполненный некоторым идеальным содержанием. Последнее не было жестко определено, что создавало «поле» для проявления свободы в порождении замысла. Важно, что содержание замыслов у подростков разных возрастных групп (12-13, 14-15 и 16-17 лет) было различным по наполненности образов идеальным содержанием. Так, образы-замыслы младших подростков отличались конкретностью и «буквальностью», т.е. изображения, как правило, максимально точно соответствовали изображаемому (чаще – конкретному предмету или знаку). Дети предлагали, например, такие изображения, как «домик», «елочка», «дорожный знак», «ковер», «шахматная доска» и т.п. В замыслах подростков 14-15 лет присутствовало достраивание ограниченных в своих изобразительных возможностях рисунков идеальным содержанием. Придуманные образы скорее «намекали» на то, что они отображают. Например, создавались такие образы как «лицо», «цветочек», «лягушка», «человек», «стул-кровать», «вилка», «лошадь» и пр. Наконец, старшие подростки прибегали к «работе» с самим идеальным содержанием, лишь очень косвенно связанным с конкретным изображением. Например, создавались такие образы как «Три моста», «Пирамида и стена другого здания», «Лестница вверх и вниз», «Крыша дома сверху», «Светофор», «Две параллельные черные линии» и т.п. Безусловно, сами по себе создаваемые подростками образы еще не являются символами в точном смысле слова. Однако, во-первых, здесь обнаруживается возрастная динамика,

проявляющая себя в сознательном разведении предметно-практического чувственного опыта и отображаемого им идеального содержания, и, во-вторых, обнаруживаются изменения того, *что* позволяет усвоить инструкцию неопределенного содержания¹ (при этом требования инструкции преимущественно налагались на сам образ, но практически не ограничивали его идеального содержания) и на основе этого содержания создавать разнообразные образы-замыслы. Иными словами, активность, участие самого субъекта заключалась в обнаружении себя (своих действий) в логике идеального содержания (символа) и подчинении собственных действий данной логике. Следовательно, если понимать продуктивное действие как действие творческое, то мы говорим о последнем как об акте воссоздания объективной идеальной формы в процессе ее воплощения (материализации), которая служит источником разнообразия и единства чувственно-практического опыта и активности субъекта.

В исследовании были выявлены и особенности построения замысла у подростков с задержкой психического развития и умственной отсталостью. Образ-замысел конечного продукта действия даже у старших подростков с задержкой психического развития, как правило, отличался «буквальностью» отображения действительности, отсутствием «глубины». Они не могли додумать в изображении то, чего непосредственно не видно (например, любое изображение называли просто «узор»). Умственно отсталые подростки, как правило, не справлялись с заданием во внутреннем плане, а составляли изображение чаще всего во внешнем плане, оперируя предложенными элементами (кубиками). В данном исследовании была выявлена типичная для подростков с легкой интеллектуальной недостаточностью стереотипность, «штампованность» и статичность замыслов, что указывает на возможные ограничения продуктивности и символотворчества у данной категории испытуемых.

¹ Инструкция звучала следующим образом: «Придумай какой-нибудь предмет, изображение которого ты смог (-ла) бы выложить из этих кубиков (указать на кубики) на таком (показать бланк) квадрате. При этом ты должен (-на) будешь использовать все 4 (9) кубика».

В описанном исследовании предъявление инструкции выступает как акт трансляции подростку *позиции* – позиции как способа видения или действия, а не четко сформулированного правила [1] – другого (экспериментатора), которая должна быть соотнесена с собственным опытом и пониманием ситуации и стать основанием для построения собственного замысла. Следует заметить, что это именно позиция, поскольку она жестко не регламентирует деятельность и не задает ее конкретную направленность. Подросток в процессе символотворчества, в процессе порождения замысла, осваивает и осмысляет эту позицию, т.е. делает ее своей. Поскольку объективно отсутствуют психологические средства, позволяющие зафиксировать общую цель задания в силу ее неопределенности, то мы допускаем, что содержание транслируемой экспериментатором позиции не может проявиться для испытуемого иначе, как через построение им конкретного замысла, материализующего, «заземляющего» идеальную форму. При построении замысла элементы предметной ситуации (предметные условия) должны обрести для субъекта не «буквальный» операциональный, а символический смысл. Таково положение вещей и в большинстве реальных жизненных ситуаций. Так, например, чтобы «прочитать» смысл получаемого подарка (как символа личного отношения) или когда мы вкладываем сами смысл в то, что собираемся подарить, важно понять не то, что есть эта вещь сама по себе, а символизируемое ею содержание, которое чаще всего нельзя облечь в строгие понятийные определения.

Результаты описанного исследования позволяют подойти к проблеме развития сознания и интеллекта ребенка не только как процесса освоения четко определенных образцов поведения и мышления (понятий), но и как процесса воссоздания единства идеального содержания в многообразии чувственно-практического опыта.

Подводя итог, можно сказать, что в рамках представленной логики, деятельностная трактовка символа как предмета, как вещи, позволяет рассматривать его как материализованный замысел, т.е. замысел, воплощенный в чувственно-практическом опыте. Символ, таким образом, выступает как инвариант деятельностного отношения

субъекта, как условие построения замысла, с одной стороны, и как результат продуктивного действия, с другой стороны. При этом онтогенетическое развитие продуктивных действий непосредственно сопряжено с формированием символотворческих процессов.

1. Бугрименко Е.А. Знак и позиция в экспериментально-генетическом методе. // *Вопросы психологии*. – 2004. – №1. – С.80-91.
2. Выготский Л.С. *Собрание сочинений: в 6-ти т.* – М.: Педагогика, 1982-1984.
3. Гальперин П.Я. *Четыре лекции по психологии: Учеб. пособие для студентов вузов.* – М.: Книжный дом «Университет», 2000.
4. Давыдов В.В. *Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования.* – М.: Педагогика, 1986.
5. Давыдов В.В., Варданян А.У. *Учебная деятельность и моделирование.* – Ер.: Луйс, 1981.
6. Запорожец А.В. *Избранные психологические труды: В 2-х т.* – М.: Педагогика, 1986.
7. Зинченко В.П. Загадка творческого понимания (К 100-летию Д.Б.Эльконина). // *Вопросы психологии*. – 2004. – №1. – С. 22-34.
8. Зинченко В.П. Теоретический мир психологии. // *Вопросы психологии*. – 2003. – №5. – С.3-17.
9. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. *Человек развивающийся: Очерки рос. психологии: Учебник.* – М.: ТОО «Тривола», 1994.
10. Лустина Е.А. Преодоление ситуации неопределенности в процессах мышления и воображения. // *Вопросы психологии*. – 1982. – №5. – С. 122-125.
11. Лысюк Л.Г. *Становление продуктивного целеполагания у детей 2-4 лет в онтогенезе: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.13.* / Бел. гос. пед. ун-т им. М.Танка. – Минск, 1997.

12. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
13. Поливанова К.Н. Периодизация детского развития: опыт понимания. // Вопросы психологии. – 2004. – №1. – С.110-119.
14. Поляков А.М. Развитие продуктивных действий у подростков с легкой интеллектуальной недостаточностью: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.10. / БГПУ. – Мн., 2002.
15. Салмина Н.Г. Знак и символ в обучении. – М.: Моск. гос. ун-т, 1988.
16. Сапогова Е.Е. Ребенок и знак. Психологический анализ знаково-символической деятельности дошкольника. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1993.
17. Символ. // Философская энциклопедия. Гл.ред. Ф.В.Константинов. Т.5. – М.: «Советская энциклопедия», 1970. – С.10.
18. Телегина Э.Д., Гагай В.В. Виды учебных действий и их роль в развитии творческого мышления младших школьников. // Вопросы психологии. – 1986. – №1. – С. 47-53.
19. Флоренский П.А. Общечеловеческие корни идеализма. // Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / П.А.Флоренский. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С.7-31.
20. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – М.: Правда, 1990.
21. Фурман А.В. Уровни решения проблемных задач учащимися. // Вопросы психологии. – 1989. – №3. – С. 43-53.
22. Эльконин Б.Д. Действие как единица развития. // Вопросы психологии. – 2004. – №1. – С. 35-49.
23. Эльконин Б.Д. Психология развития: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
24. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989.